

ЛЕКСИКА В ОТОБРАЖЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ VOCABULARY IN EXPRESSING ECONOMIC THOUGHT

Андрей КРИВОРАК,
кандидат экономических наук,
Львов

Andriy KRYVORAK,
Ph.D. in Economics,
Lviv

• В экономической науке существует незаметная, на первый взгляд, проблема, связанная с использованием терминов в научных текстах. Одно из проявлений этой проблемы представляет собой проникновение общеупотребительных слов в область специальных знаний и вытеснение из неё ограниченных в употреблении специальных терминов.

• In economics there is a problem, imperceptible at a first glance, associated with the use of terms in scientific texts. One of the manifestations of this problem is the penetration of common words into the field of expert knowledge and supplantation of restricted special terms from it.

Примером такого явления служит употребление лексической единицы «собственность», которая существует и как общеупотребительное слово в понимании «имущество», и как слово в ограниченном употреблении в понимании «часть производственных отношений». Такое различие затрудняет возможности научной классификации и глубокого изучения экономических явлений. Это определяет актуальность настоящей работы.

Рассмотрим подробнее проблемы, вызываемые различием упомянутой лексической единицы «собственность». Они начинаются уже с того, что в экономической литературе не существует единого явного определения этой базовой категории. В научном (не общеупотребительном) значении слово собственность означает систему формальных и неформальных общественных отношений, которая позволяет субъектам общественного производства осуществлять владение любыми объектами. **С учётом развития институционального подхода к научным исследованиям можно сказать, что собственность – это институт распределения средств производства и предметов потребле-**

ния, который определяет предметы владения, их количество и права владельца.

Подобное употребление слова «собственность» вытекает из его строения. Оно заканчивается на «ость». Обычно таким окончанием обладают слова, обозначающие свойства или явления. А собственность – это именно явление. Явление, позволяющее обществу осуществлять распределение благ между его членами. Понимание собственности как явления порождает такие понятия, как «отношения собственности» и «права собственности».

Тем не менее в научной литературе и законодательных актах можно встретить слово «собственность» в общеупотребительном значении. В частности, в некоторых законодательных актах мы встречаем понятие «общая совместная собственность» [1]. Из контекста очевидно, что термин «собственность» употреблён в общеупотребительном значении как имущество. Этому соответствует слово «общая»: общее имущество. Но в логику использования лексики, даже общеупотребительной, не укладывается слово «совместная».

Согласно сложившимся нормам лексическая единица «совместная» применима в сочетании со словами, обозначающими действия, или со словами, обозначающими объекты, предусматривающие какие-либо действия: совместная работа, совместное исследование, совместные учения, совместное предприятие.

Со словами, обозначающими имущество, слово «совместное» не применимо. Хотя на этот счёт есть и другое мнение. Но это исключение из правила, которое лишним раз подтверждает глубину проникновения общеупотребительного значения слова в науку. Таким образом, в коротком словосочетании «общая совместная собственность» имеют место сразу два нарушения логики: употребление слова «собственность» в общеупотребительном значении в научном до-

кументе и совместное применение смыслового содержания слов «совместная» и «собственность».

Разночтение терминов, связанных с категорией собственности, не заканчивается её двойственным значением. Проявления собственности классифицируются по различным признакам. В частности, при классификации по виду субъектов собственности предполагается, что основными формами собственности являются частная (индивидуальная), коллективная и государственная собственность. Собственниками соответственно являются: индивид, коллектив и государство.

Однако термин «частная» несёт ещё и другую смысловую нагрузку. Его используют при классификации проявлений собственности в капиталистическом обществе по отношению к средствам производства. И это предполагает два типа собственности. Первый из них – частный тип собственности (или частная собственность), предполагающий возможность индивидуальной собственности на средства производства и сопутствующие им наёмный труд и капиталистическую прибавочную стоимость.

В противовес частной собственности существует общественная собственность (если быть более точным – общественный тип собственности). Она исключает индивидуальное владение средствами производства, наёмный труд и капиталистическую прибавочную стоимость. Таким образом, термин «частная собственность» создаёт ещё одну предпосылку для разночтения.

Кроме классификации проявлений собственности по формам и типам её ещё разделяют по природе объектов собственности. Такая классификация включает в себя интеллектуальную собственность.

В обычном понимании «интеллектуальный» означает «наделённый интеллектом», «использующий интеллект» или «включающий в себя интеллект». Таковыми могут быть: личность, труд, беседа, литература и т. д. Собственность и как институт, и как имущество интеллектом не обладает. Произнося слова «интеллектуальная собственность», мы уподобляемся человеку, говорящему о красной или зелёной собственности. Правильнее в этой ситуации было бы говорить о правах собственности на продукт интеллектуального труда. Однако небрежное отношение к выбору лексической единицы помешало грамотно подобрать слово для определения подобного рода собственности. Так или иначе, термин «интеллектуальная» прочно вошёл в практику употребления и легко сбивает с толку читателей, воспитанных на классической литературе.

Алогизмы в выборе слова для точного выражения мысли появляются не только по причине небрежности авторов. Порой это случалось и потому, что суть самой категории на момент познания явления наукой до конца не определена. Так случилось с определением категории «стоимость». Подходящее слово для её родового признака начинается со времён Адама Смита. Затем этот поиск продолжил Карл Маркс.

Значительная часть первого тома его «Капитала» посвящена именно этому. Оказалось, что подобрать слово для родового признака категории «стоимость» весьма сложно. Недаром он пишет: «Стоимость [Wertgegenstandlichkeit] товаров тем отличается от вдовлицы Куикли, что не знаешь, как за неё взяться» [2, с.47]. В итоге Маркс пытается определить стоимость и как форму существования товара, и как эквивалент абстрактного труда, и как время. При этом ему не давала покоя мысль, что стоимость является проявлением не только труда. И об этом он уже пишет в третьем томе, но итогового определения стоимости Маркс так и не дал.

Многие современные авторы «уходят» от однозначного явного определения, предпочитая обзор всех существующих теорий стоимости [3, с.107]. Значительная часть авторов приходит к мысли, что в основе категории стоимости лежат труд и полезность [4, с.154]. Однако, хотя использование термина «полезность» основано на теории предельной полезности, оно не может быть признано корректным, поскольку однозначной связи между стоимостью и полезностью не существует. Ведь общеизвестно, что при полном отсутствии полезности стоимость, скажем, наркотиков чрезвычайно высока. Алогизм объясняется не столько небрежностью, сколько отсутствием термина, соответствующего явлению субъективной оценки необходимости приобретения товара.

Существуют и другие теории, и другие лексические единицы, принимаемые в качестве родового признака категории стоимости. В частности, есть авторы, которые пытаются развить попытку Маркса выразить сущность понятия стоимости через время: «Стоимость – это пространственно локализованное общественно-необходимое время создания благ, полезность которых превышает предельную» [5, стр. 45].

Между тем, проблема родового признака стоимости не является не решаемой и не решённой. Родовым признаком категории «стоимость» является «меновая характеристика товара», которая, как оказывается, включает в себя не только воплощённый в товаре труд и субъективную оценку необходимости приобретения товара, но и ренту [6, с. 29].

В общем ряду примеров применения алогичного применения терминов является определение только что упомянутой ренты. Значения, которые несёт в себе рента, согласно существующим определениям не просто различны – они противоположны. С одних случаях – это платежи, в других – это доход. Может показаться, что это естественно: если кто-то платит, значит, кто-то получает в виде дохода. Но по Туган-Барановскому рента – это нетрудовой доход, т.е. особый вид дохода, представляющий собой самостоятельное явление в производственных отношениях. Когда же говорят о ренте как платеже, то обычно имеют в виду арендную плату, которая даже количественно ренте не равна.

Перечень примеров некорректного отношения к слову можно завершить ставшим популярным термином «капитализация». Капитализация – это процесс увеличения основного капитала за счёт прибыли. Однако популярность это слово приобрело в значении рыночной стоимости предприятия. Налицо игнорирование окончания «-ция», применяемого для обозначения процесса. Совершенно очевидно, что примером для нового применения термина стало заимствование из английского языка словосочетание «market capitalization». Но, во-первых, многозначность терминов – это особенность английского языка. Во-вторых, в нашей стране, как правило, слово «market» (рыночная) опускается. Самое удивительное, что слово капитализация в новом значении повсеместно расширяет своё «жизненное пространство» при существующем термине в родном языке – рыночная стоимость.

Примеры алогичного использования слов в научной литературе можно приводить достаточно долго. Это явление имеет место как в нашей стране, так и в мировой науке. Иногда причинами является отсутствие необходимого термина, связанное с исследованиями в областях, где необходимая лексика просто отсутствует. Иногда это связано с непродуманным заимствованием слов из другого языка. Иногда это связано с банальной небрежностью.

Отрицательный эффект, к которому производит это явление, весьма значителен. И наоборот – принятие более уважительного отношения к применению лексических единиц в состоянии значительно оживить процесс научного поиска. Достаточно сказать, что комплексный подход к выбору родового признака только категории

стоимости создал бы предпосылку для объединения классической и неоклассической школ политической экономии и исключил бы расточительство научного потенциала на бесплодные дебаты. Автор статьи смеет утверждать, что и другие различия этих школ также подлежат решению путем пересмотра использования лексических единиц на предмет точности употребления.

Не стоит сбрасывать со счетов и проблему сохранения чистоты родного языка.

ЛІТЕРАТУРА

1. Цивільний кодекс України (Відомості Верховної Ради (ВВР), 2003, № 40-44, ст. 356.
2. Маркс К. Капитал. Избранные сочинения. В 9-ти т. Т.7. Маркс К., Энгельс Ф. М., Политиздат, 1987. 811 с.
3. Климко Г. Н. Основи економічної теорії: політекономічний аспект: підручник. К., 2002. 615 с.
4. Мочерний С. Вартість. Економічна енциклопедія: у трьох томах. Т.1. К., 2000. 864 с.
5. Гриценко А. Эволюция стоимости. Экономика Украины. 2001. №4. С. 45.
6. Криворак А.Д. Полиэкономия. Краткое изложение. КП «Измаильская городская типография», 2015. 135 с.

REFERENCES

1. *Tsyvilnyi kodeks Ukrainy* [The Civil Code of Ukraine]. Vidomosti Verkhovnoi Rady (VVR), 2003, no. 40-44, 356 p. [in Ukrainian].
2. Marx K., Engels F. *Kapital. Izbrannye sochineniya. V 9-ti t.* [Capital. Selected works. In nine volumes]. Moscow, vol. 7, Politizdat, 1987, 811 p. [in Russian].
3. Klymko H.N. *Osnovy ekonomichnoi teorii: politekonomichnyi aspekt: pidruchnyk* [Fundamentals of Economic Theory: Polytechnic Aspect: manual]. Kyiv, 2002, 615 p. [in Ukrainian].
4. Mochernyi S. *Vartist. Ekonomichna entsyklopediia: u trokh tomakh* [Value. Economic Encyclopedia: in three volumes]. Kyiv, vol. 1, 2000, 864 p. [in Ukrainian].
5. Gricenko A. *Evolyuciya stoimosti* [Evolution of value]. Ekonomika Ukrainy, 2001, no. 4, 45 p. [in Russian].
6. Krivorak A.D. *Poliekonomiya. Kratkoe izlozhenie* [Polyeconomics. Summary]. KP "Izmail'skaya gorodskaya tipografiya", 2015, 135 p. [in Russian].